

УДК: 93/94; 908;28

DOI:10.52971/18294316-2026.29.2-53

МЕЖДУ ХАЧКАРОМ И ДУХОМ — ИСТОРИЯ АРМЯН МОЛОКАН: РЕАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЙ МИФ?

Татьяна И. Янгайкина

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве
Республики Мордовия. Саранск, РФ

Елена А. Шуваева

Иджеванский филиал Ереванского государственного университета.
Иджеван, РА

Аннотация

Исследование посвящено малоизученному историко-этнографическому феномену рубежа XIX—XX веков — случаям перехода армянского крестьянства в молоканство. На примере общин Закавказья рассматривается формирование уникальной синкретической идентичности. Приняв радикальную форму русского духовного христианства (молокан-прыгунов) с его отказом от церковной обрядности, таинств и икон, новообращенные верующие тем не менее сохранили этническое самосознание, культуру и родной язык. Важной эмпирической основой работы стали полевые материалы, собранные авторами в ходе этнографических экспедиций 2024 и 2025 годов в Армении. Исследования, проведенные, в частности, в селе Шогакат Гехаркуникской области (бывшее Надеждино), принесли весомые результаты. Нам удалось зафиксировать живые устные свидетельства, архивные следы и воспоминания потомков о переходе местных армян в молоканскую веру, а также проследить элементы бытования этой уникальной группы вплоть до наших дней. На стыке научной литературы и новейшего полевого материала в работе доказывается, что армяно-молоканство служит редким задокументированным примером прозрачности этнокультурных и религиозных границ. Этот феномен демонстрирует, как в определенных исторических условиях индивидуальный и общинный духовный поиск превалировал над многовековой национальной и религиозной традицией, трансформируя привычные маркеры идентичности. *Введение:* Статья посвящена историко-религиозному анализу феномена «армян-молокан» в Закавказье на рубеже XIX—XX веков. В работе рассматривается уникальный процесс интеграции армянского населения в общины русских молокан-прыгунов. На стыке двух традиций сформировалась специфическая идентичность верующих, которые, сохраняя этнический язык и происхождение, полностью переняли русскую религиозную практику и отказались от традиционной церковной об-

рядности. Автор обосновывает гибкость этноконфессиональных границ на Кавказе и приоритет личного духовного поиска над национальной традицией. *Методы и материалы:* Базу исследования составили документы ИАЭ АН Армении, труды Н. А. Дингельштедта, А. Дунаева и полевые материалы автора из села Шогакат. Работа основана на принципах историзма и системности. Применение историко-архивного, сравнительно-исторического, источниковедческого и этнографического методов позволило верифицировать данные и проследить динамику процессов. *Анализ:* Наш анализ полностью опровергает версию о мифологическом происхождении феномена армян-молокан, доказывая его историческую и документальную реальность. Причинами смены идентичности становились правило строгой эндогамии (брак только через принятие веры), глубокие личные кризисы и тяжелые жизненные ситуации. *Результаты:* Эмпирический материал и полевые выезды в Армению и Мордовию подтверждают: в ходе исследования нами не были обнаружены современные представители армян-молокан. *Вклад авторов:* Янгайкина Т. И. — разработка концепции, критический анализ, сбор полевого материала, создание текста; Шуваева Е. А. — сбор и систематизация данных, анализ литературы, научное редактирование текста.

Ключевые слова: армяне-молокане, молокане-прыгуны, духовное христианство, Армения, Шогакат, религиозная идентичность, этнокультурные границы, синкретизм, полевые исследования. **Как цитировать:** Янгайкина Т., Шуваева Е. *Между Хачкаром духом — история армян молокан: реальный феномен или исторический миф?* // «Научные труды» ИЦАИ НАН РА. 2026. Гюмри, Том 2 (29). 53-60 сс. DOI: 10.52971/18294316-2026.29.2-53

BETWEEN KHACHKAR AND SPIRIT — THE HISTORY OF THE ARMENIAN MOLOKANS: A REAL PHENOMENON OR A HISTORICAL MYTH?

Tatyana I. Yangaykina

Research Institute for Humanities under the Government
of the Republic of Mordovia. Saransk, Republic of Mordovia, RF

Elena A. Shuvaeva

Ijevan Branch of Yerevan State University. Ijevan, RA

Abstract

Introduction: This article provides a historical and religious analysis of the "Molokan Armenians" phenomenon in Transcaucasia at the turn of the 20th century. It examines the unique process of integration of the Armenian population into the communities of Russian Molokan Jumpers. At the intersection of these two traditions, a unique identity emerged among the believers, who, while retaining their ethnic language and origins, fully adopted Russian religious practices and abandoned traditional church rituals. The author substantiates the flexibility of ethnoconfessional boundaries in the Caucasus and the priority of personal spiritual quest over national tradition. *Methods and Materials:* The research was based on documents from the Institute of Archaeology and Ethnography of the Armenian Academy of Sciences, the works of N. A. Dingelstedt and A. Dunayev, and the author's fieldwork from the village of Shoghakat. The work is based on the principles of historicism and systematicity. The use of historical-archival, comparative historical, source study, and ethnographic methods allowed for data verification and the tracing of processes. *Analysis:* Our analysis completely refutes the mythological origins of the Armenian-Molokan

phenomenon, demonstrating its historical and documentary reality. The reasons for this identity shift included the rule of strict endogamy (marriage only through conversion to the faith), profound personal crises, and difficult life situations. *Results:* Empirical material and field trips to Armenia and Mordovia confirm that during our research we did not discover any modern representatives of the Armenian Molokans.

Key words: *Armenian Molokans, Molokan Jumpers, spiritual Christianity, Armenia, Shoghakat, religious identity, ethnocultural boundaries, syncretism, field research.*

Citation: Yangaykina T., Shuvaeva E. *Between the Khachkar and the Spirit - the history of the Molokan Armenians: a real phenomenon or a historical myth?* // "Scientific Works" SHCAS of NAS RA. 2026, Gyumri. Vol. 2(29). 53-60 pp. DOI: 10.52971/18294316-2026.29.2-53

Феномен «армян-молокан» — это не просто историческая сноска, а настоящая религиозная аномалия, в которой суровая эстетика армянского Хачкара столкнулась с мистическим экстазом русского «Духа». Долгое время эту тему считали мифом, но современная наука подтверждает: на стыке XIX и XX веков в Закавказье возник уникальный тип верующих — армяне, отринувшие многовековые традиции ради радикального молоканства. Вместо золоченых алтарей и древних литургий эти люди выбрали простые избы, чтение Библии на русском языке и эксцентричные обряды молокан-прыгунов. Что заставляло армянских крестьян покидать лоно одной из старейших церквей мира и вставать в общий круг с русскими ссыльными? Это была история невероятного духовного симбиоза. В таких селах, как Нижний Ахбаш или Еленовка, рождалась парадоксальная идентичность: люди, сохранившие армянскую кровь и язык, но полностью принявшие «мужицкую веру» из России (снимок № 1, молокане г. Еревана XX в.). Они пели русские псалмы, впадали в молитвенный транс и отказывались от почитания икон, видя в этом возвращение к «чистому христианству». Этот малоизученный пласт истории доказывает, что границы между народами и верами на Кавказе были куда более прозрачными, чем принято считать. Армяно-молоканство — это живое свидетельство того, как личный поиск Бога оказывался сильнее национальной традиции. Сведения о переходе армян в молоканство — не гипотеза, а задокументированный в литературе этнографический факт с привязкой к конкретным локациям.

На рубеже XIX — XX веков в Закавказье (преимущественно в Карской области, Эриванской и Тифлисской губерниях) зафиксированы уникальные процессы религиозного синкретизма, вызванные тесным соседством различных этносов. В регионах активности русских прыгунов — радикального ответвления духовного христианства, отколовшегося от молоканства, — происходило параллельное распространение среди местного мусульманского населения (шиитов и суннитов) течений хлыстовского толка. К ним исследователи относили али-алахитов (Ахл-и Хакк), обожествлявших праведника Али, а также закристов — суфийские общины, практиковавшие экстатический зикр.

Причиной, по которой православные миссионеры классифицировали эти мусульманские группы как «хлыстовские», являлось глубокое типологическое сходство их мистического опыта. Как русские прыгуны во время своих «радений» доводили себя до транса и судорожных прыжков, ожидая сошествия Святого Духа, так и закристы через ритмические движения и громкое поминание Бога достигали аналогичного религиозного экстаза. Кроме того, структуры этих общин были идентичны: они предполагали тайный характер собраний и беспрекословное подчинение харизматичному лидеру-пророку.

Параллельно прыгунчество распространялось и среди армянского населения региона, искавшего более радикальные формы духовности вне традиционной Церкви. Однако со

временем, по мере угасания первоначального экстатического импульса, в среде кавказских сектантов начался кризис. Это привело к тому, что в начале XX века часть прыгунов, включая их известного вожака Якова Аветисовича Кассабабянца (снимок № 2, армянин-прыгун Яков Кассабабянец в религиозном экстазе после «радения»), перешла в общины иеговистов (Исследователей Библии). Новое западное движение привлекло разочарованных мистиков своей строгой дисциплиной, рациональным буквалистским изучением текстов и понятной эсхатологией [2, сс. 189–190].

Данные процессы детально зафиксированы в отчетах епархиального миссионера Грузинского экзархата Святейшего Синода, священника Александра Дунаева. Ведя полевую противосектантскую пропаганду, он отразил в своих трудах динамику трансформации и взаимного влияния христианских и мусульманских гетеродоксных движений, оставив ценнейший первоисточник по религиозной истории Кавказа.

Н. А. Дингельштедт — писатель, этнограф; действительный статский советник в 1870-х гг. в течение достаточно долгого времени наблюдал жизнь закавказских сектантов, живя с ними бок о бок, изучал их обычаи, предания и поверья, религиозные взгляды, духовный и материальный мир, внутреннее устройство общин. Он посвятил свои очерки преимущественно одному из наименее известных в то время направлений сектантства, возникшему на кавказской почве, — прыгунам. Именно к нему стекались, вероятно, конфискованные у прыгунов религиозные сочинения, и он имел возможность с ними знакомиться, однако не относился к этим сочинениям в серьез.

Автор дистанцировался от любой дискуссии с сектантами, выстроив работу исключительно на фиксации собственных визуальных и слуховых наблюдений. Именно в его труде «Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту» [2] находим сведения об армянах, принявших молоканство: «Новообращенные армяне-прыгуны сидели на передних скамейках, ближе к читальникам и библии. Двое из них пришли к самому началу собрания и, заняв места на лавках, тотчас же обнаружили, что вошли с сношением «с духом». Они закрыли глаза и стали покачиваться, не прекращая этого с час. Третий новообращенный появился почти к концу собрания. Когда моление было уже на половине, во двор прискакал какой-то армянин, вооруженный, в пыли, на измученной лошади. Он бросил лошадь во дворе, быстро вбежал в собрание, сбросил с себя оружие, пробрался вперед к столу, за которым сидели читальники, и повалился на пол. Через десять минут после того, на одного из новообращенных, сошел дух. Сначала он стал усиленно дышать, широко раздувая ноздрями. Это произвело бледность в лице, потом он стал раскачиваться, сидя на скамье» [2, стр. 11]. «Несколько раз он закладывал себе руки за голову и сильно потягивался, как бы после сладкого сна. Когда все встали для слушания молитв, Хачатур — так звали этого армянина, усилил раскачивание, потом стал перегибаться назад и один раз, потеряв равновесие, упал и провалился минут пять с закрытыми глазами, сложивши руки на — крест. Потом он встал, немного постоял и принялся вновь ломаться. Он, впрочем, совсем не прыгал и не скакал, но под звуки «понивестоне», стал ходить по комнате (свободного места оставалось шага 3 — 4) и выкрикивать что-то по-армянски. Иногда он вскрикивал по-татарски: «Аллах! Аллах!» [2, стр. 12].

«Почти в то же время дух сошел на пчельничиху Петровну, бабу лет под сорок, затем на кузнечиху Екатерину Новикову, бабу лет 20 с небольшим, и потом еще на одну бабу, лет за шестьдесят. Когда запрыгала Петровна, то Хачатур стал в стороне и поднял руки вверх, ибо двум стало уже тесно. Когда Петровна, порядком умаявшись, стала на свое место, то пошел разгуливать опять Хачатур, и тут разыграл сцену побороения нечистой силы действием духа святого. Изобразил это он так: сначала Хачатур остановился и стал пристально смотреть

на одну точку, и, как будто что-то усматривая на земле, начал все более и более таращить глаза. Вытаращив их, на сколько позволяли орбиты глаз, он поднял правую руку и стал потрясать ею в воздухе, как бы готовясь нанести удар. Потом, соединив у себя над головой обе руки, как будто бы хотел обхватить ими палку или иное орудие; Хачатур стал примерно ударять по тому месту, на которое таращил глаза. При ударах он выпускал тот звук, который обыкновенно выпускают при рубке дров, при раскалывании камня, звук, состоящий из быстрого выдыхания воздуха из груди, что, как известно, облегчает производство удара. Звук этот знаком всякому, а Хачатуру, ремеслом камнетеса, и подавно. Нарубившись вдоволь, Хачатур, как бы отбросив в сторону то орудие, которым он рубил, притоптал ногами место, над которым он все это проделывал, прокричал что-то по-армянски и несколько раз козырем прошелся по изрубленной пустоте [2, сс. 12–13].

Продолжение этнографа фиксирует во всех деталях и подробностях: «Настала длинная пауза. Пение прекратилось, все сидели на лавках, отирая пот, сморкаясь, оправляя растрепавшиеся одежды и сдвинувшиеся на бок головные и шейные платки.

Но вдруг все вновь зашевелилось. Несколько человек разом грянуло песню почти плясового характера, хотя и духовного содержания. Все, кто мог, т. е. около кого было свободное место, запрыгали и закружились. Принужденные, по тесноте, сидеть или стоять на месте, захлопали в ладоши и стали раскачиваться на месте. Припертые к задней стене собрания, сидевшие на последних лавках прыгуны, не имевшие возможности ни прыгать, ни даже встать, заерзали на лавках, тоже прихлопывая в ладоши. Около кого было свободное место — тот прыгал, делая прыжки вперед и назад или в сторону и опять на место, смотря по тому, с какой стороны оказывалось свободное пространство. На место напрыгавшихся и уходивших в задние ряды выступали свежие силы.

Певцы, в некоторых местах, дико гикали и вскрикивали.

Пыль в хате стояла столбом; кто-то заботливо отворил было окошко, но другой тотчас его затворил опять. Прыгали уже безостановочно более двадцати минут, когда песня стала слабеть и такт ее стал реже. Некоторые из прыгавших уже сидели на полу, некоторые совсем растянулись, преимущественно под лавками, очевидно придя в полное изнеможение.

Один мужик лежал на груди у другого и тот вытирал ему с лица пот, пустив для этого в ход свой красный шейный платок. Пчельничиха умаялась окончательно и сидела неподвижно. Новообращенный армянин, прискакавший позже других, забрался на лавку и стоял поднимая руки и глаза кверху. Читальник Новиков, сидевший все время в почетном углу, страшно побледнев и закрыв глаза, опустил голову на стол. Пчельник Меньшов разодрал на себе рубаху и огромным кулаком колотил в свою обнаженную грудь, не переставая называть себя окаянным. Забытый в углу ребенок неистово орал. Все лица вытянулись, все как будто сильно похудели.

В заключение все разом разошлись, молча разобрав шапки. Это было около 10 часов вечера; началось же торжество около 5 часов пополудни и пятичасовое возбуждение, конечно, отразилось на физиономиях прыгавших. Тем не менее утром, на заре, все своим чередом отправились на полевые работы, где и провели день до заката солнца.

На таких собраниях непременно кто-нибудь из осененных духом занимается пророчеством. Впрочем, на пророках, так сказать официально признанных прыгунами, вовсе не лежит неперменная обязанность предсказывать безошибочно. Окажется предсказание верным — хорошо, не сбудется предсказанное — также хорошо, и никто не в претензии» [2, стр. 14–15].

Полевые материалы, которые приводила в своих работах И. В. Долженко, собранные в русских селениях Армении в 1980 г. отражают следующий факт: «Религиозная община молокан могла включать в свой состав не только русских, но и представителей других национальностей при условии принятия ими этого вероучения. В Новобаязетском уезде Эриванской губернии членами религиозных общин являлись представители мордвы, которые в 1850-е годы были высланы из Поволжья за отказ от православия. В литературных источниках, были случаи, правда, редкие, принятия молоканства и армянами» [1, л. 14].

Дополнительное подтверждение присутствия армянских молокан зафиксировано в июне 2024 года в селе Шогакат (бывш. Надеждино). В ходе исследования местного мордовского некрополя проводником автора выступил местный житель Е. И. Сандыков (снимок № 3, Ефим с другом Гариком Маранджян, 1989 г.) — мордвин по национальности и молоканин в восьмом поколении. В ходе осмотра территории некрополя был зафиксирован надгробный памятник из туфа (снимок № 4), установленный на могиле Арзумана Ивановича — этнического армянина, принадлежавшего к религиозному течению молокан. По устному свидетельству Е. И. Сандыкова, ссылающегося на воспоминания своего отца Ивана Ефимовича, на рубеже XIX — XX веков (около 1900 года) в селе Надеждино проживал незрячий армянин, известный среди сельчан своими пророчествами. Согласно собранным этнографическим сведениям, данный субъект находился в тесных дружеских и комплиментарных отношениях с местным населением [4].

Респондент поделился воспоминаниями, рассказанными его отцом: «период вынужденного проживания Арзумана в локальных молоканских общинах, обусловленный разрывом родственных связей и отсутствием личного недвижимого имущества, эти обстоятельства способствовали его конверсии в молоканство. Во время одного из ритуальных радений, находясь в состоянии религиозного транса, Арзуман сформулировал эсхатологическое предсказание. Используя метафору «кучи камней», он спрогнозировал глобальную дисперсию (рассеяние) членов общины. Данное пророчество ретроспективно оценивается исследователями и информантами как исторически реализовавшееся» (4).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Феномен армян-молокан представляет собой уникальный, документально верифицированный историко-этнографический факт, существование которого подтверждается как архивными источниками Российской империи, так и трудами ведущих профильных исследователей, что полностью опровергает версию о его мифологическом происхождении. Переход отдельных представителей армянского этноса в молоканство носил комплексный характер: помимо строгого правила эндогамии (когда брак с представителем общины допускался только при условии обязательного принятия веры), причинами становились глубокие личные кризисы, разочарование в прежних религиозных догматах, а также тяжелые жизненные ситуации, приводившие к разрыву с семьей и отказу от прежней социальной среды. Современные полевые исследования в Армении и Мордовии фиксируют отсутствие армян-молокан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив отдела этнографии Института археологии и этнографии АН Армении, № 117. Л. 14.
2. Дингельштедт Н. А. Закавказские сектанты в их семейном и религиозном быту». — СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1885: 290 с.
3. Дунаев А. Секта «прыгунов» в Закавказье // Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. Ред. и изд. М. А. Кальнев. Одесса: Тип. Е. И. Фесенко, 1911: 187–197 сс.
4. Полевой материал авторов: Ефим Иванович Сандыков, 1969 г. р., с. Шогакат РА, записи 2024–2025 гг.

References

1. Archive of the Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Armenian Academy of Sciences, No. 117. L. 14.
2. **Dingelstedt N. A.** Transcaucasian Sectarians in Their Family and Religious Life. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich Printing House, 1885: 290 p.
3. **Dunayev A.** The "Jumper" Sect in Transcaucasia // Russian Sectarians, Their Teachings, Cult, and Methods of Propaganda. Ed. and Published by M. A. Kalnev. Odessa: E. I. Fesenko Printing House, 1911: 187–197 pp.
4. Fieldwork by the authors: Efim Ivanovich Sandykov, born in 1969, Shoghakat village, Republic of Armenia, records from 2024–2025.

снимок 1

снимок 2

снимок 3

снимок 4

Ընդունվել է / Received on: **29. 05. 2026**

Գրախոսվել է / Reviewed on: **03. 07. 2026**

Հանձնվել է տպ. / Accepted for Pub: **12. 08. 2026**

Информация об авторах:

Татьяна Ивановна Янгайкина: кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела информационно-аналитического обеспечения исследований Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республика Мордовия, Саранск РФ,
e-mail: sudakova2007@mail.ru orcid.org/0000-0002-5704-3349

Tatiana Ivanovna YANGAYKINA: PhD, Senior researcher at the Department of Information and Analytical Support of Research at the Scientific Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia,
E-mail: sudakova2007@mail.ru orcid.org/0000-0002-5704-3349

Шуваева Елена Алексеевна: преподаватель русской литературы и лингвострановедения России кафедры гуманитарных наук Иджеванского филиала ЕГУ, Иджеван, РА,
e-mail: lena478@mail.ru orcid.org/0000-0002-7759-7306

Elena Alekseevna SHUVAEVA: Professor of Russian Literature and Linguistics of Russia, Department of Humanities, Ijevan Branch of Yerevan State University, Ijevan, RA,
Email: lena478@mail.ru orcid.org/0000-0002-7759-7306